нием на] параграфы и фразы и собранием комментариев) // Тун бань Сы шу У цзин (Четверокнижие и Пятиканоние, отпечатанных с медных досок). Шанхай, 1936. Кн. 1. С. 1—8.
23. Чжун-го чжэ-сюэ ши цзы-ляо сюань-цзи: Цин дай чжи бу (Избранные материалы по истории китайской философии: Раздел эпохи Цин). Пекин, 1962.
24. *Чэ Цзай.* Лунь «Да сюэ» ды да сюэ чжи дао (О пути великого учения «Великого учения») // — Чжун-го чже-сюэ ши лунь-вэнь цзи (Сборник статей по истории китайской философии). Пекин, 1965. Сб. 2. С. 127—157.
25. *Чэнь Пань.* Да сюэ Чжун юн цзинь ши («Великое учепие» и «Срединное и неизменное» с современными разъяснениями). Тайбэй, 1961.
26. Шан шу (Высокочтимые писания) // Ши сань цзин чжу шу. Пекин, 1957. Кн. 3—4.
27. *Chan Wing-tsit.* A Source Book in Chinese Philosophy. Princeton. L., 1963.
28. *Couvreur S.* (tr.). Sseu chou. Les Quatre Livres. Ho Kien fou, 1910.
29. *Fung Yu-lan.* A History of Chinese Philosophy. Princeton, 1952. Vol. 1.
30. *Gardner D. K.* Chu Hsi's reading of the Ta — Hsueh: a NeoConfusian's quest for Truth // J. Chinese Philos. (1983). Vol. 10, N 3. P. 183—204.
31. *Hughes E. R.* (tr.). The Great Learning and the Mean-in-Action. N. Y., 1943.
32. *Legge J.* (tr.). The Shoo King // The Chinese Classics. Hong Kong, 1960. Vol. 3.
33. *Legge J.* (tr.). Li Ki // The Sacred Books of the East. Delhi, 1966. Vol. 27, 28.
34. *Legge J.* (tr.). The Great Learning // The Chinese Classics. Hong Kong, 1960, p. 355—381. Vol. 1.
35. *Lin Yutang.* The Wisdom of Confucius. N. Y., 1943.

К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА РАБОТЫ М. ХАЙДЕГГЕРА «УЧЕНИЕ ПЛАТОНА ОБ ИСТИНЕ»

А. Л. Доброхотов

Мартин Хайдеггер — один из самых значительных западноевропейских философов XX в. Его идеи повлияли и продолжают влиять не только на судьбы новейшей буржуазной философии, но и на весь спектр гуманитарных наук, на политическое сознание и проникли даже в сферы, обычно чуждые умозрительных коллизий, например в практическую медицину. Отчасти эта широта воздействия объясняется характерным стремлением современной буржуазной культуры вовлекать в себя и делать предметом массового потребления то, что предназначается, собственно говоря, для научных лабораторий, художественных мастерских, академических аудиторий. Но главная причина влиятельности философии Хайдеггера в том, что она серьезно и глубоко проанализировала самые больные духовные проблемы своего времени и сделала выводы, впечатляющие своей нетрадиционностью и радикальностью. Парадоксальная связь этих выводов, остро критичных по отношению к западной цивилизации, с теми же противоречиями, которые им разоблачаются, двусмысленность предложенных Хайдеггером ориентиров, поучительная драматичность его политического опыта еще сильней стимулировали желание опровергнуть, согласиться или просто высказаться о философии

Хайдеггера. Пожалуй, ни о ком из философов нашего века не написано так много и так по-разному. Показательный пример: уже первые выступления Хайдеггера оценивались одними как ниспровержение классической метафизики, а другими (известная статья Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка») как ее образцовое проявление.

В советской историко-философской науке читатель может найти и детальный анализ тех или иных сторон мировоззрения Хайдеггера, и обобщающие выводы (см. работы А. С. Богомолова, П. П. Гайденко, В. В. Бибихина, Р. М. Габитовой, А. В. Михайлова и др.). Поэтому нет необходимости в общем очерке его философии. Следует лишь сделать несколько замечаний по поводу публикуемой статьи.

Работа Хайдеггера «Учение Платона об истине» была впервые опубликована в 1942 г. и затем в 1947 г. с присоединением знаменитого письма «О гуманизме». Но между публикацией и началом работы над статьей — значительный срок. Хайдеггер приступает к этой теме в 1931—1932 гг. Таким образом, статья запечатлела так называемый «поворот» в творчестве философа, заключавшийся в переходе от феноменологической аналитики человеческого существования, данной в книге «Бытие и время», к герменевтическому истолкованию бытия, открытого нам в языке, особенно в поэтическом. В работе пересеклись излюбленные мотивы размышлений Хайдеггера: соотношение истины и бытия; отношение к философской традиции; судьба западного мира как эволюция метафизики и забвение бытия; природа человеческой индивидуальности; наконец, проблема толкования текста, практически представленная всей статьей как образцом хайдеггеровской герменевтики. Показательно, что поводом для соединения этих тем в один узел явилась концепция Платона. Греческие мыслители привлекают особое внимание позднего Хайдеггера. Интерпретируя их, он надеется разгадать тайну постепенного отхода западной культуры от того мышления, которое еще в состоянии было вмещать в себя бытие, хотя и делало первые шаги по пути его «забвения». В истории западноевропейской философии можно найти много примеров того, как основой для формирования собственной позиции философа становилось переосмысление греческого наследия. Так было и с Хайдеггером. Определяя свое отношение к Платону[1], Хайдеггер (возможно, в полемике с Наторпом) строит свой образ метафизики как ведущего способа западного мышления. Платон — это сама метафизика, по утверждению Хайдеггера. Поэтому в статье мы сталкиваемся не с отстраненной критикой или описанием, а с попыткой осознать и тем самым преодолеть отклонение философии (и вместе с ней — всей западной культуры) от какого-то своего глубинного естест-

[1] В качестве введения в проблему «Хайдеггер и Платон» можно рекомендовать следующую статью, где указана и наиболее важная литература: *Dostal R. J.* Beyond Being: Heideggers Plato // J. Hist. Philos. Claremont. 1985. Vol. 23, N 1.

ва. Метод толкования и манера, в которой выполнены поздние работы Хайдеггера, часто вызывают раздражение читателя: создается впечатление, что автор намеренно избегает прямого ответа на поставленные им вопросы, прячется за оракульской двусмысленностью, играет словами. Это впечатление не так уж беспочвенно, но надо иметь в виду, что и задачи, поставленные Хайдеггером, не совсем обычны. Когда-то Лейбниц мечтал об универсальном философском языке, который позволил бы прекращать споры призывом: «Давайте посчитаем!». Хайдеггеру эта утопия кажется реальной угрозой, и он сознательно уходит от возможности закрепить смысл привычными понятиями и тем самым соскользнуть на путь калькуляции. Анализируя Платона, он стремится обнаружить за «буквой» «дух» и поставить читателей перед необходимостью личностного отношения к выбору, сделанному в свое время Платоном. Поэтому Хайдеггер пристально всматривается не только в логическую связь идей, но и в сами греческие слова, пытаясь в образах, излучаемых их этимологией, найти неискаженное свидетельство о бытии. «Бытие» — это центральное понятие-символ в учении Хайдеггера — поддается лишь косвенной расшифровке. Основное заблуждение «метафизики» — в подстановке вместо истинного бытия того или иного «сущего», т. е. вещественной или идеальной конкретности. Само же бытие, по Хайдеггеру, есть нетеоретическое событие (Ereignis) в мире «сущего», «просвет» (Lichtung) в плотности овеществленного универсума, позволяющий человеку в эстетическом созерцании или в практическом действии обрести свою подлинность и историчность. Анализируя в своей статье платоновский миф о пещере, Хайдеггер приходит к выводу о том, что именно в учении Платона об истине находятся истоки «метафизики». Бытие как «эйдос» есть застывшее предстояние перед умственным взором, но тем самым оно оказывается «объектом», а созерцающий его — «субъектом». Этим искажается исконно античное понимание истины, которое, как считает Хайдеггер, заключалось отнюдь не в соответствии объекта и интеллекта, а в том, что он называет «открытостью», показывающей себя и одновременно дающей в себе место человеку. Человек, в свою очередь, должен отвечать этой «открытости» и быть в готовности ее сохранять. Платон же, хотя и не порывает еще с этой традицией, но открывает пути к новоевропейскому субъективизму и индивидуализму тем, что ставит созерцание истины в зависимость от предметно очерченной «идеи» (с одной стороны) и целенаправленной интеллектуальной подготовки к восприятию истины, т. е. «воспитания» как культивирования субъективизма (с другой стороны). Хайдеггер пытается показать, что платоновское толкование истины как «идеи» уже предполагает отход от «открытости» и преимущественную ориентацию на мир объектов, что и приводит впоследствии к фатальной утрате связи с почвой, к потере личностного характера знания и сведению истины — к «ценности», сущности человека — к «гуманизму». Однако нетрудно заметить,

что при всей глубине проникновения во внутреннюю логику платонизма, Хайдеггер очень пристрастен в отборе тем для своего анализа. Он предпочитает не замечать те аспекты учения Платона (в данном случае концепцию единого-блага, находящегося «за пределами сущности»), которые не укладываются в его интуицию. Это, по сути, делает любой феномен истории философии заранее виновным в измене мифическому состоянию пра-истины.

Вряд ли можно понять смысл и основания идей немецкого мыслителя, не погрузившись в сам текст, в конкретный анализ «мифа о пещере», проведенный (чтобы не сказать «разыгранный») по всем правилам его герменевтики. Стоит заметить, что Хайдеггер не только делает главным *предметом* исследования язык как «открытость» сокрытого, но и считает *орудием* исследования тот же искомый язык, так что цель поиска уже присутствует и проявляет себя в самом поиске. Эта ситуация сложилась еще в рационализме XVII в. в форме оппозиции «Истина — мышление», но превращение ее в XX в. в оппозицию «Истина — язык» предъявило особые требования к форме изложения истины, которая в этом случае уже не должна быть случайной или чисто инструментальной. Жанры философствования, которые избирает поздний Хайдеггер (эссе, диалоги, эстетическая экзегеза), предполагают языковую чуткость читателя и даже определенное соучастие в «выговаривании» истины. В отличие от строго филологического метода его экзегетика вскрывает те внутренние возможности и смысл слова, которые нельзя предпочесть другим, не нарушая требований научности, но которые все же могли определять развитие мысли, опирающейся на них. Историки философии справедливо отмечают, что корни подобного отношения к слову уходят отчасти в почву швабской культурно-языковой традиции, отчасти — в традиции немецкой философской литературы (Экхарт, Бёме, Гегель), но несомненна и связь его с фундаментальными социально-критическими установками философии Хайдеггера. (Обсуждение работы «Учение Платона об истине», как свидетельствует ее автор, было в свое время запрещено нацистами [2].)

В заключение, несколько слов об авторе перевода. Т. В. Васильевой принадлежат не только теоретические статьи об античной философии и культуре, статьи о Хайдеггере [3], но и переводы важных диалогов Платона — «Кратил» и «Теэтет», рассматривающих проблемы истины и языка [4]. Обращение к опыту переводчика и интерпретатора может, я думаю, помочь читателю, впервые столкнувшемуся с текстом Хайдеггера, сориентироваться в его смысловых сплетениях.

---

[2] См.: Der Spiegel. 1976. N 13. S. 204.

[3] *Васильева Т. В.* Божественность «под игом» бытия // Философия. Религия. Культура. М., 1982. *Она же.* Философский лексикон Аристотеля в интерпретации Хайдеггера // Античная философия в интерпретации буржуазных философов. М., 1981.

[4] См.: *Платон.* Сочинения: В 3-х т. М., 1968. Т. 1; 1970. Т. 2.